

Десять дней спустя, западный рынок города Юнси.

Осень стояла ясная и прохладная. Послеобеденное солнце заливало улицы ярким светом, вокруг царил живой шум: людские голоса, выкрики торговцев, торг покупателей, стук колёс и конских копыт сливались в пёструю городскую симфонию.

Чжоу Юй как раз закончил проверять счета в принадлежавшей его семье шёлковой лавке «Юньцзиньсюань» и вышел на улицу, держа в руках свёрток с недавно доставленным образцом сучжоуской вышивки — редкой и по-настоящему превосходной работы. Он собирался заглянуть в находившуюся неподалёку ювелирную лавку «Линлунгэ», чтобы найти Чжао Хэна. Тот несколько дней назад говорил, что хочет заказать матери новую шпильку, и как раз не мог придумать главный узор — изящный, но вместе с тем благородный.

Сегодня на Чжоу Юе был длинный ханьчжоуский шёлковый халат цвета неба после дождя, сверху — лёгкое одеяние в тех же тонах. На поясе висела простая подвеска-кольцо из белого нефрита цвета бараньего жира. Шёл он неспешно, и среди шумной толпы особенно выделялась его чистая, спокойная мягкость благородного юноши.

Дойдя до просторного перекрёстка и уже собираясь свернуть, он вдруг услышал впереди необычайно быстрый стук копыт. Он бил по каменным плитам, как барабанная дробь, и смешивался с грохотом опрокидывающихся прилавков и криками людей.

Чжоу Юй насторожился и машинально поднял голову. Прямо на него неслась великолепная лошадь — чёрная как уголь, только все четыре ноги белые. Она летела словно стрела, сорвавшаяся с тетивы.

Конь явно испугался: глаза были широко раскрыты, из ноздрей вырывался белый пар. Всадник в чёрном дорожном костюме изо всех сил пригибался к гриве и натягивал поводья, пытаясь остановить животное. Люди по обеим сторонам улицы с криками шарахались в стороны; кто-то сталкивался, кто-то падал.

Хуже того, Чжоу Юй одним взглядом заметил, что позади него в оцепенении стоят несколько женщин с детьми, а дальше путь почти полностью перекрыт высокой грудой товарных ящиков.

В одно мгновение он не отступил, а наоборот сделал полшага вперёд. Лицо оставалось спокойным, глаза стали острыми. Он с силой бросил дорогой свёрток с сучжоуской вышивкой, который нёс Чжао Хэну, прямо перед головой обезумевшего коня.

— Ш-шурх!

Тонкая ткань описала в воздухе дугу и мгновенно развернулась. На солнце вышитые сложным

узором гибискусы и зимородки вспыхнули красками, словно внезапно разошедшееся облако, и яркой движущейся стеной распахнулись прямо перед глазами лошади.

Великолепный чёрный конь никогда не видел ничего подобного. От резкого зрительного раздражителя он испуганно заржал, высоко поднял передние ноги и едва не встал на дыбы. Безумный разгон на миг оборвался.

И именно в этот критический момент всадник показал выдающееся искусство и силу рук. Ноги словно железными клещами удержали корпус на лошади, мышцы рук напряглись, он резко потянул поводья на себя и низко, властно прикрикнул. Под такой хваткой взбудораженный конь был силой остановлен. Теперь он лишь раздражённо бил копытами по камню, выбивая звонкое цоканье.

— Едва не случилось беды...

— Вот уж действительно повезло!

Только теперь оцепеневшая толпа выдохнула, и вокруг поднялся гул тихих разговоров. Взгляды один за другим обращались к юноше в голубовато-зелёном, который решительно вмешался, и к всаднику в чёрном, уже усмирившему лошадь.

Чжоу Юй тоже незаметно выдохнул и лишь сейчас почувствовал, что сердце бьётся слишком быстро. Он внимательно посмотрел на человека в седле.

Тому было чуть за двадцать. Кожа здорового пшеничного оттенка, чёткие черты лица, в бровях и глазах — лихая открытость и воинская выправка, закалённая полем боя. Одет он был в удобный для верховой езды костюм и выглядел запylённым после долгой дороги. Сейчас он посмотрел на рассыпавшуюся по земле вышивку, потом на Чжоу Юя — и в глазах ясно мелькнули удивление и одобрение.

— Прошу прощения! Конь только прибыл в столицу, ещё нервничает. Напугал всех! — Голос у него был звонкий и громкий, с особой открытой интонацией Линьчуаня.

Он ловко спрыгнул на землю, сначала сложил руки в извиняющемся приветствии перед окружающими, затем широкими шагами подошёл к Чжоу Юю.

Высокий и крепкий, вблизи он словно принёс с собой пыль дальней дороги и солнечную ясность. Он сжал кулак в ладони в воинском приветствии.

— Господин, простите. Конь понёс, и только благодаря вашей быстрой реакции никто не пострадал. Эта ткань... я обязательно возмещу стоимость!

Чжоу Юй посмотрел на испорченную вышивку, которую теперь уже нельзя было продать.

Было, конечно, жаль, но собеседник извинялся искренне и вёл себя открыто, поэтому злиться не хотелось.

— Ничего страшного. Главное, что люди целы. Это всего лишь кусок вышивки, не стоит придавать ему такое значение.

— Нет, так нельзя! — Молодой человек махнул рукой, а его взгляд задержался на тонких чертах Чжоу Юя с нескрываемым восхищением. — По вашей манере держаться видно, что вы, должно быть, управляете делами. Эта вещь наверняка дорогая. Я, Чжоу Мучжи, живу просто: если виноват — признаю, если должен — возвращаю. Сколько стоит, столько и заплачу, ни слова против!

Чжоу Мучжи?

Чжоу Юй внутренне насторожился. Это имя он всего несколько дней назад слышал от Цинсяня. Заместитель Чжэньбэй-хоу и его друг с детства.

Он ещё раз незаметно окинул молодого человека взглядом. Резкая воинская энергия, так не похожая на столичное окружение, действительно выдавала того, кто вернулся с границы.

Чжоу Юй слегка улыбнулся, и прежняя отстранённость стала мягче.

— Так вы генерал Чжоу. Давно наслышан. Я Чжоу Юй. Наша семья торгует тканями. Эта сучжоуская вышивка действительно редкая, но раз всё произошло случайно, генералу незачем так беспокоиться.

— Чжоу Юй? — Чжоу Мучжи поднял брови и совершенно искренне обрадовался. — И вы тоже Чжоу? Ха-ха! Похоже, нам и правда суждено было встретиться!

Его широкая улыбка была заразной.

— Раз уж мы однофамильцы, тем более не могу оставить вас в убытке. Где ваша лавка? Я потом обязательно пришлю серебро!

Такая прямота резко отличалась от манер купеческих и чиновничьих сыновей, с которыми обычно общался Чжоу Юй. Это показалось ему забавным, и спорить он больше не стал. Указал на лавку впереди.

— Вон там, «Юньцзиньсюань». Если у генерала будет время, приходите когда угодно.

— Хорошо! «Юньцзиньсюань». Запомнил! — Чжоу Мучжи серьёзно кивнул, будто получил важное военное поручение.

Потом снова посмотрел на Чжоу Юя; глаза были яркими.

— Господин Чжоу, ещё раз спасибо за то, что сделали. Не растерялись перед опасностью — достойно уважения.

— Генерал слишком меня хвалит, — мягко ответил Чжоу Юй, хотя от этой искренней похвалы в душе поднялась лёгкая рябь.

— Я Чжоу Мучжи, только вернулся с северных рубежей, — представился молодой человек сам, а затем вспомнил о главном. — Кстати, господин Чжоу, не подскажете, как добраться до резиденции генерала Чжэньбэй? Несколько лет не был в столице, многие дороги уже позабыл.

Чжоу Юй всё понял и подробно объяснил путь.

Чжоу Мучжи внимательно выслушал и улыбнулся.

— Кажется, понял. Благодарю!

Он взял поводья и уже собирался уходить, но снова обернулся к Чжоу Юю, на этот раз совершенно серьёзно.

— Господин Чжоу, в другой день обязательно приду лично поблагодарить! До встречи!

С этими словами он ловко вскочил в седло. Придержав коня, ещё раз кивнул Чжоу Юю и лишь после этого медленно уехал.

Чжоу Юй остался стоять и смотрел, как высокий свободный силуэт исчезает за углом. В воздухе словно ещё сохранялась принесённая этим человеком ясная энергия широких просторов.

Он опустил взгляд на испорченную вышивку, беспомощно улыбнулся и нагнулся, чтобы подобрать её.

Этот генерал Чжоу оказался совсем не таким, как он представлял. Прямолинейный до того, что... даже немного милый.

А обещание «лично прийти поблагодарить» Чжоу Юй всерьёз не воспринял, посчитав обычной вежливостью.